

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Особенности формирования церковной юрисдикции в области уголовно-исполнительной политики XVIII–XIX вв.

А.Р. ПАВЛУШКОВ – доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук

В статье рассматривается процесс юридической и судебной секуляризации церкви, в значительной степени изменивший правовой статус Русской православной церкви, что нашло отражение в практике применения церковных наказаний. Противоречивый характер модернизации церковного наказания выразился одновременно в приближении его к государственным карательным интересам и сохранении христианской традиции.

Ключевые слова: церковное наказание; юридическая автономия церкви; разграничение церковного и светского законодательства; духовные суды; церковные инквизиторы; синод; дисциплинарная практика клира; правонарушения в церковной среде; христианская традиция церковного наказания; правовой статус Русской православной церкви.

Peculiarities of formation of ecclesiastical jurisdiction in penal policy of the XVIII–XIX centuries

A.P. PAVLUSHKOV – Associate Professor of the Chair for Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in History

The article deals with the legal and judicial process of secularization of the Church, which changed the legal status of the Russian Orthodox Church in a large extent. This is reflected in the practice of church disciplines. The contradictory nature of the modernization of the church discipline appeared in the same time in the state punitive interest and maintaining the Christian tradition of its content.

Key words: Ecclesiastical punishment; the legal autonomy of the church; the distinction between religious and secular law; the spiritual courts; church inquisitors; the Synod; the clergy disciplinary practice; offenses in the church community; the Christian tradition of ecclesiastical punishment; the legal status of the Russian Orthodox Church.

Наказание является неременным элементом карательной политики государства. В широком смысле наказание – инструмент принудительного воздействия на лицо, совершившее правонарушение. Форма наказания зависит от характера, степени и оценки данного правонарушения. Это сложившееся представление о содержании наказания обычно не вызывает споров, как и вопрос о его целях и назначении. Вместе с тем в российском обществе было несколько систем права, которые в совокупности определяли

своеобразие национальной правовой системы. Наибольший интерес представляют системы светского и церковного права в силу того, что на протяжении столетий они развивались параллельно, взаимно дополняя друг друга. По формальным признакам они также являлись вполне сложившимися образованиями, регулировавшими различные направления общественной жизни, каждое из которых имело свою систему наказания.

Несмотря на все попытки государства подчинить себе церковное право, оно про-

должало существовать. Даже в период «секулярной войны» (XVIII в.) церковь сохранила собственную юрисдикцию и в решении некоторых правовых вопросов была вполне самостоятельной. Более того, именно в этот период судебные инстанции Русской православной церкви (РПЦ) приобрели законченный характер. Судебная система церкви включала в себя суд Святейшего Синода, суд епископа (митрополита), суд консистории (епархиальный суд). Ограниченными судебными функциями были наделены приходской священник, настоятель, в ряде случаев – благочинный. Каждая инстанция в пределах своих полномочий могла выносить решение о назначении и исполнении наказания. Новая судебная церковная вертикаль со строгой подчиненностью была построена по государственному образцу. Эти же инстанции одновременно выполняли и административные, и надзорные функции.

Относительная автономия РПЦ позволила ей не только сохранить собственную юрисдикцию, но и сделать серьезные шаги по совершенствованию собственного законодательства. По внешним признакам церковные законы стали принимать более стройный и законченный вид. У многих из них появились вводная и мотивировочная части, язык и стиль оформления стал более понятным и похожим на государственное изложение законов, постепенно ушла в прошлое громоздкая староцерковная лексика. Государство пыталось приблизить церковно-правовой язык к собственным стандартам.

В XVIII–XIX вв. продолжало развиваться церковное законодательство по вопросам разграничения судебных полномочий. Отправной точкой правотворческого процесса стал Духовный регламент (1721 г.) – главный юридический документ, определивший положение РПЦ в новых исторических условиях. Новая вертикаль церковного управления, по данному документу, строилась на единых государственных принципах. Несмотря на явное подчинение церкви государству, главный орган церкви – Святейший Синод – получил название правительствующего, что формально уравнивало его в правах с Сенатом. Синод стал главным административным органом, одновременно выполняя функции высшего церковного суда. По-прежнему в обязанности епископата входили надзор за жизнью духовенства и нравственным поведением подданных в своей епархии, а также производство духовного суда, в том числе и над мирянами. Регламент пополнился положениями

полицейского характера, отражением чего явилось введение института «закащиков» (благочинных), осуществлявших контроль, а сам священник был обязан доносить власти об «открытых на исповеди совершенных и замышляемых преступлениях, особенно политического характера»¹. В этом смысле Духовный регламент был не просто юридическим актом, а в большей степени политическим документом, определившим вектор государственной политики по отношению к церкви на два ближайших столетия.

Формирование церковного законодательства шло по пути приспособления его к новым государственным запросам. Оно стало отличаться большей детализацией, усилением ответственности за нарушение внутренней дисциплины. Распоряжением Синода от 1 марта 1721 г. во всех российских городах, архиерейских епархиях вводилась должность инквизитора (духовного фискала) – провинциального духовного инспектора, выполнявшего надзорные функции². В инструкции, описывающей обязанности духовного фискала, делалась прямая ссылка на гл. 42 Воинского устава, в соответствии с которой «фискал есть смотритель за каждым чином, так ли всякой должностью истинною служит и прочих делах, врученных ему, поступает». Инквизиторы избирались из числа монашествующих и следили за выполнением постановлений Синода. Им вменялось осуществлять контроль за деятельностью архиерея и иных должностных лиц церковного ведомства, сообщать факты обо всех преступлениях, в том числе о «народных делах, за которых нет челобитчика»³. Они могли выступать в суде в качестве обвинителя, осуществлять тайную проверку исполнения церковного наказания.

Документ показателен с двух позиций. Во-первых, РПЦ пыталась выстроить систему более действенного контроля за тем, что происходит на местах, что отвечало запросам государственной власти. Мера достаточно логичная и важная, если не считать того обстоятельства, что контролирующими функциями уже обладали и архиереи, и настоятели всех монастырей, которые обязаны были докладывать в Синод не только обо всех правонарушениях, но и о состоянии текущих дел. Здесь усматривается определенное недоверие к епархиальной власти, которая могла отправлять в Синод не совсем объективную информацию, скрывая отдельные факты. Во-вторых, требование докладывать в Синод обо всех спорах и тяжбах в крестьянской среде, ко-

торые не доходили до суда, говорило о том, что РПЦ была заинтересована в более серьезном влиянии на мирян. В Синод неоднократно поступали жалобы о неподобающем поведении служителей церкви: сквернословие, блуд, участие в азартных играх. Многие доносы не находили своего подтверждения и являлись отражением непростых отношений духовенства с местным населением. В частности, Г.В. Храпков приводит сведения по фондам Ярославской консистории о том, что примерно 85% всех доносов на священников были ложными, поскольку следствием было доказано, что они были способом мести священнослужителю. Однако 15% доносов получили подтверждение, и пастырь в таких случаях строго наказывался⁴.

Инквизиторы фактически помогали выстроить систему обратной связи церкви с обществом. Именно поэтому фискалы должны были собирать полную информацию обо всем, что происходило в народной среде. Такой обязанностью были уже наделены священнослужители, однако Синод посчитал, что контроля со стороны приходских священнослужителей недостаточно, поэтому наделил полицейскими функциями духовных фискалов. Тем самым РПЦ пыталась выстроить более эффективную модель взаимоотношений с миром.

Важнейшим документом в развитии церковного законодательства было принятие в 1841 г. Устава духовных консисторий, регулировавшего поведение клира и прихожан. Он определил правовой статус и направления деятельности консистории, обозначил компетенцию епархиального суда, процессуальные особенности взаимоотношений Синода и консистории, архиерея и членов консистории по спорным вопросам. Большой раздел устава касался епархиального управления, поведения духовенства, церковного судопроизводства, проступков и преступлений духовных лиц и применения различных форм наказания за их совершение⁵. Устав предусматривал создание системы местных административных органов церковной власти, вобравших в себя одновременно надзорные и судебные функции. Консистории создавались в каждой епархии и возглавлялись архиепископами, которые несли прямую ответственность за состояние дел на своей территории. С помощью новой управленческой конструкции делалась попытка более полного подчинения церкви государству, доказательством чему служит тот факт, что проект создания

консисторий разрабатывался гражданским учреждением – Сенатом, при котором была создана специальная комиссия с участием представителей духовенства и светского чиновничества. Более того, в штаты новой организации вводились светские чиновники (от 12 до 20 чел.) для ведения делопроизводства. Данная совместная деятельность светских и церковных властей была вполне успешной и в решении проблемы исключительно церковной – искоренении нарушений в среде клириков. «Институту консисторий предстояло в целом решать весьма сложную задачу по уничтожению пороков, которые компрометировали Русскую церковь»⁶. Именно с этой целью в консисториях создавались духовные правления, которые приводили в исполнение принятые решения, в том числе и приговоры.

Несмотря на значительное продвижение вперед в кодификации норм церковного права, серьезной проблемой по-прежнему оставалось наличие коллизий, когда отдельные нормы светского и церковного права входили в противоречие между собой. В результате судебные инстанции государства и церкви в ряде случаев могли применять разные нормы права, использовать разные санкции. Это порождало конфликты, в разрешении которых принимали участие представители обеих сторон.

Необходимо отметить, что и само церковное законодательство нельзя назвать совершенным. Анализ архивных документов и нормативно-правовых актов позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, судя по архивным документам, оснований для применения наказания судебными духовными инстанциями было гораздо больше, чем это допускало действующее законодательство. Далекое не все правонарушения могли быть прописаны, поэтому первичные судебные инстанции иногда руководствовались лишь ссылкой на общие положения базовых документов, представляющие скорее канонические императивы и принципы и дающие относительную свободу действий суду при вынесении приговора. В то же время в судебном решении содержание правонарушения обычно прописывалось. Основанием для применения различных форм церковного наказания в этом случае являлась местная судебная практика, которая значительно расширяла понимание церковного нарушения, приспособив его к региональным особенностям. Так, С.В. Максимов на основе собственных наблюдений приходит к выводу, что на Се-

вере наказания за некоторые семейно-брачные нарушения были менее суровыми, чем в других регионах России⁷. Вологодские архивы содержат примеры оригинальных случаев церковного наказания, источником определения которых не могло быть ни церковное, ни светское действующее законодательство, например, ссылка в монастырь за «болтливость»⁸, «неспособность к монашеской жизни»⁹.

Во-вторых, на практике складывался несколько иной порядок исполнения церковных наказаний, чем это предусматривало действующее законодательство. Речь идет о формах церковного наказания, связанных с временным или бессрочным лишением свободы в монастыре. Отход от нормативных установлений был вызван различными причинами: отсутствием средств на охрану колодников, недофинансированием соответствующих учреждений, бюрократизмом, сложившейся практикой массовых доносов и др. Серьезной причиной такого положения было отсутствие правоприменительного законодательства. Оно стало активно формироваться только в XIX в. В XVIII столетии исполнение приговоров осуществлялось на основании распоряжений императора, Тайной канцелярии, постановлений Сената и Синода, которые носили бессистемный характер и отражали в большей степени конъюнктурные запросы различных институтов.

В-третьих, некоторые вопросы, связанные с исполнением церковного наказания, действующим законодательством не регулировались вообще, что порождало, например, произвол настоятелей по отношению к ссыльным. Об этом говорили случаи массового бегства ссыльных из монастырей¹⁰. Синод периодически выпускал специальные «реестры бежавших за разные годы из монастырей колодников»¹¹. Пик массового бегства из монастырей приходился на первую половину XVIII в. В последующие годы оно не носило такого масштабного характера, что связано с улучшением организации охраны и с некоторым ослаблением борьбы против раскола. Последнее было очень существенным моментом, так как раскольники составляли солидную часть контингента ссыльных. С этого времени Синод начал публиковать списки сбежавших из монастырей колодников с указанием их подробных примет¹². Реестры беглых из монастырей раскольников могли публиковаться и отдельно. К ним прилагались указы центральной государственной власти о мерах по

их розыску¹³. Консисториям предписывалось в случае обнаружения бежавших «под накрепчайшим караулом доставлять их в надлежащие места»¹⁴. Со второй половины XVIII в. количество беглых из монастырей заметно снизилось, но не исчезло совсем¹⁵. Случаи бегства из монастырей были и в XIX в.¹⁶ Однако обращает на себя внимание тот факт, что организация розыска бежавших из монастырей ссыльных стала более эффективной. В рапортах настоятелей указывались проводимые мероприятия по поимке бежавших¹⁷.

Обостряло ситуацию и то обстоятельство, что дисциплинарная практика клира отставала от законодательства. Если церковное законодательство быстрее адаптировалось к изменившимся условиям и учитывало запросы государства, то практика его исполнения во многом оставалась формальной в силу сохранения традиционного сознания. Примером этому служили многочисленные правонарушения в среде клира¹⁸.

Особенно мощным был всплеск правонарушений в духовной среде после секуляризационных кампаний Петра I и Екатерины II. Определение штатной численности приходов и монастырей спровоцировало рост правонарушений в среде духовенства. Введенное за штаты духовенство приписывалось в податное население. Многие из тех, кто остался за штатами, пускались в бег и формировали армию потенциальных правонарушителей. Они вынуждены были искать источники пропитания, формально не раскрывая себя. Только в Москве в 1769 г. официально числилось 257 беспоместных священников. Появился даже соответствующий термин «дикие попы»: на руках они имели просроченные паспорта, «праздно шатались» и совершали множество правонарушений¹⁹.

Одновременно создавалась благоприятная почва для совершения правонарушений среди тех, кто был записан в штаты монастырей. Многие пытались помочь своим родственникам, позволяя им незаконно проживать при церкви или монастыре. Все это не только осложняло криминальную обстановку в стране, но и подпитывало революционно настроенные политические силы.

Еще одной причиной всплеска преступности в церковной среде было введение образовательного ценза при назначении на церковную должность. Мера, сама по себе достаточно разумная и правильная, на деле претворялась без учета проекции дальней-

шей судьбы тех, кто был занесен в «черные списки». Государство руководствовалось исключительно утилитарным подходом, пытаясь формировать церковные штаты и количественно, и качественно по светским стандартам. Те, кто не отвечал требованиям государства, должны были быть приписаны в податное население. Конечно, подобные меры вызвали скрытое сопротивление в форме криминального протеста.

Несмотря на многочисленные критические оценки синодального периода истории церкви, следует признать его постепенным восхождением церкви к вселенскому утверждению и мировому признанию по сравнению с традиционным теократическим этапом. Примечательно, что именно в это время РПЦ лишалась огромных материальных ресурсов, втягивалась в многочисленные политические распри и, как следствие, использовалась в качестве инструмента политической борьбы (особенно в период «бироновщины»), выполняла несвойственные ей государственные функции, в том числе полицейские.

Государственное давление на церковь было настолько мощным и всеобъемлющим, что вызывало у последней естественное отторжение многих реформационных начинаний и даже открытое сопротивление, примером чему служит известное дело ростовского митрополита Арсения Мацевича, в отношении которого следствие продолжалось несколько лет. Однако внутренний механизм обновленной церкви оставался в полной сохранности. Более того, происходила «притирка» его к изменившимся условиям.

Феномен усиления общественной позиции РПЦ вопреки неблагоприятным внутренним условиям для многих специалистов по-прежнему является предметом научных дискуссий. А.В. Карташев неслучайно называет синодальный период взаимоотношений церкви и государства парадоксом русской истории, подчеркивая контраст отсталых политических форм и наивысших достижений в области культурного творчества²⁰.

Разгадка этого феномена лежит в плоскости изучения традиционного сознания русского общества, восприятие которым церкви практически не менялось в отличие от государственного подхода. Религиозное сознание собственно самого народа длительное время практически не подвергалось секуляризации. Государственная идеология обновления коснулась в основном

дворянского сословия, которое смотрело на национальную религию в духе модных идей протестантизма. Но по удельному весу дворянство представляло незначительную социальную группу. Большая часть населения воспринимала церковь в традиционном ключе как признанный институт регулирования семейных и межличностных отношений. Благодаря тому, что в церковной юрисдикции по-прежнему оставался традиционный круг вопросов, обмирщение крестьянского уклада принимало своеобразный характер: церковь по-прежнему являлась неотъемлемой частью социального организма общины, но внешне (законодательно) обновлялась и становилась более универсальным институтом, функции которого конкретизировались. Ликвидация церковного землевладения привела к положительной трансформации восприятия образа церкви не как крупного эксплуататора-крепостника, а как ревнителя и борца за всех обездоленных и «убогих». Ограничение некоторых карательных функций РПЦ (например, ликвидация монастырских тюрем, ограничение монастырской ссылки) еще более приближало ее к традиционной греческой церкви, в которой наказание служило прежде всего исправлению личности, очищению ее от наносного внешнего земного греха.

Таким образом, Русская православная церковь, несмотря на обвальную секуляризацию, не только сохранила собственную юрисдикцию, но и в значительной степени обновила законодательство, приближая его к государственным запросам и государственным стандартам. Церковное наказание как проекция церковной политики в значительной степени подверглось модернизации. Постепенно ушли в прошлое телесные и другие физические формы церковного наказания, направленные на укрощение греховно-тварной сущности человека. Изменилась и внешняя атрибутика исполнения наказания в сторону утилитаризма. Конечно, формы церковного наказания не являлись совершенными, и практика исполнения самого наказания значительно расходилась с церковно-законодательным процессом. Сама церковь была поражена многими социальными болезнями, которые подрывали ее авторитет. Однако на протяжении всего синодального периода она целенаправленно пыталась искоренить нарушения в собственной среде, чтобы придать церковному наказанию мирян более легитимный характер. Надо признать, что РПЦ

это сделать удалось. Именно в XIX в. наблюдается возвращение к традиционному христианскому представлению о церковном

наказании, что в дальнейшем используется государством в уголовно-исполнительной системе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Русское православие: Вехи истории / Науч. ред. А.И. Клибанов. М., 1989. С. 247.

² См.: Полное собрание постановлений и распоряжений Синода по ведомству православного вероисповедания Российской империи. 1879. Т. 1. 1721. № 22.

³ Там же. № 348. С. 401–402.

⁴ См.: Храпков Г.В. Деятельность Ярославской духовной консистории во второй половине XVIII – начале XX веков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2012. С. 10.

⁵ См.: ПСЗ-II. СПб., 1830–1885. Т. 16. № 14409.

⁶ Храпков Г.В. Деятельность Ярославской духовной консистории во второй половине XVIII – начале XX веков. С. 14.

⁷ См.: Максимов С.В. Год на Севере. М., 1890. С. 140–160, 590–610.

⁸ ГАВО. Ф. 519. Оп. 1. Д. 146. Л. 33.

⁹ Там же. Л. 101–103.

¹⁰ Там же. Д. 70. Л. 30; Д. 29. Л. 49–50; ГАНО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 1338. Л. 1.

¹¹ ГАВО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 32. Л. 5–5об.

¹² См.: Там же. Ф. 519. Оп. 1. Д. 32. Л. 5–6.

¹³ См.: Там же. Д. 20. Л. 9–9об.

¹⁴ Там же. Д. 25. Л. 9–10.

¹⁵ См.: Там же. Д. 68. Л. 26–27; Д. 70. Л. 2–3, 10–10об., 30, 40.

¹⁶ См.: Там же. Д. 19. Л. 17; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 21. Л. 652–656.

¹⁷ См.: Там же. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 21. Л. 1084.

¹⁸ См.: Велитченко Н.С., Храпков Г.Н. Борьба Ярославской духовной консистории с противоправными действиями духовенства во второй половине XIX – начале XX веков // Социальная история российской провинции: Материалы всероссийской науч. конф. Ярославль, 2009. С. 128–134.

¹⁹ Цит. по: Карташев А.В. История Русской Церкви. М., 2000. Т. 2. С. 758.

²⁰ См.: Там же. С. 446.

¹ См.: Русское православие: Вехи истории / Науч. ред. А.И. Клибанов. М., 1989. С. 247.

² См.: Полное собрание постановлений и распоряжений Синода по ведомству православного вероисповедания Российской империи. 1879. Т. 1. 1721. № 22.

³ Там же. № 348. С. 401–402.

⁴ См.: Храпков Г.В. Деятельность Ярославской духовной консистории во второй половине XVIII – начале XX веков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2012. С. 10.

⁵ См.: ПСЗ-II. СПб., 1830–1885. Т. 16. № 14409.

⁶ Храпков Г.В. Деятельность Ярославской духовной консистории во второй половине XVIII – начале XX веков. С. 14.

⁷ См.: Максимов С.В. Год на Севере. М., 1890. С. 140–160, 590–610.

⁸ ГАВО. Ф. 519. Оп. 1. Д. 146. Л. 33.

⁹ Там же. Л. 101–103.

¹⁰ Там же. Д. 70. Л. 30; Д. 29. Л. 49–50; ГАНО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 1338. Л. 1.

¹¹ ГАВО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 32. Л. 5–5об.

¹² См.: Там же. Ф. 519. Оп. 1. Д. 32. Л. 5–6.

¹³ См.: Там же. Д. 20. Л. 9–9об.

¹⁴ Там же. Д. 25. Л. 9–10.

¹⁵ См.: Там же. Д. 68. Л. 26–27; Д. 70. Л. 2–3, 10–10об., 30, 40.

¹⁶ См.: Там же. Д. 19. Л. 17; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 21. Л. 652–656.

¹⁷ См.: Там же. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 21. Л. 1084.

¹⁸ См.: Велитченко Н.С., Храпков Г.Н. Борьба Ярославской духовной консистории с противоправными действиями духовенства во второй половине XIX – начале XX веков // Социальная история российской провинции: Материалы всероссийской науч. конф. Ярославль, 2009. С. 128–134.

¹⁹ Цит. по: Карташев А.В. История Русской Церкви. М., 2000. Т. 2. С. 758.

²⁰ См.: Там же. С. 446.